

В.М. ХАЧАТУРЯН

НЕЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ ПЕРЕХОДА

***Аннотация:** статья посвящена анализу «эволюционного потенциала» неэволюционных форм культурных изменений, таких как диффузии, вариации, регрессы и т.д. Неэволюционные изменения играли значительную роль в социокультурной эволюции, которая рассматривается как процесс роста сложности и инноваций. Автор полагает, что их «эволюционный потенциал» может усиливаться в специфической транзитивной социокультурной среде.*

***Abstract:** the article considers the “evolutionary potential” of non-evolutionary forms of cultural transformations, such as diffusions, variations, regresses, etc. Non-evolutionary transformations have played a significant role in sociocultural evolution which is regarded as a process of growing complexity and innovations. The author argues that the “evolutionary potential” of non-evolutionary transformations can be enforced in the specific transitive sociocultural environment.*

***Ключевые слова:** социокультурная эволюция, неэволюционные изменения, переходные эпохи, диффузии, регрессы, вариации.*

***Keywords:** sociocultural evolution, non-evolutionary transformations, transitive epochs, diffusions, regresses, variations.*

Проблемы, связанные с ролью неэволюционных изменений, их участием в социокультурной эволюции и характером влияния на нее, являются на сегодняшний день столь же актуальными, сколь и дискуссионными. Благодаря новым подходам, которые разрабатывались в неэволюционизме, общей теории систем, в синергетике и глобальном эволюционизме, традиционная для классического эволюционизма прогрессистская модель поступательного восхождения от простого, «примитивного», к сложному была существенно скорректирована. В центре внимания оказались «революционные» трансформации, резко нарушающие историко-культурную преемственность, стагнации и регрессы, кризисы, сопро-

Хачатурян Валерия Марленовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологи (Москва). E-mail: lerademoped@gmail.com.

вождающиеся хаотизацией социокультурной жизни. Повышенный интерес к коллапсам и феноменам деволуции, к воскрешению старых культурных форм (вплоть до архаических) отчетливо проявляется в культурологических и исторических исследованиях, в исторической психологии, теории цивилизаций и других гуманитарных дисциплинах.

Разумеется, было бы несправедливым считать это абсолютной новацией. Наиболее последовательные сторонники идеи прогресса (А. Фергюсон, А. Тюрго), представители классического эволюционизма (Г. Спенсер, Э. Тайлор) отмечали, что замедления, ретрогрессии, рецидивы — явления, весьма часто встречающиеся в истории¹. Однако такие процессы считались по преимуществу случайными временными отклонениями от стержневой линии развития, и это, вполне естественно, заметно обедняло представления о функциональной значимости неэволюционных изменений (особенно регрессов и рецидивов), побуждало рассматривать их как некое побочное явление, которое противостоит главной тенденции «системного усовершенствования (Э. Тайлор) общества, хотя и не может устранить ее.

К настоящему времени понятия «эволюция» и «прогресс» уже разведены, идея адаптивности эволюции все чаще вызывает сомнения. Более того, собственно эволюционные (в узком смысле) процессы далеко не всеми признаются в качестве доминирующих и наиболее значимых социокультурных изменений. Особого внимания в этой связи заслуживает синергетика, которая выдвигает идею пульсирующего ритма развития сложных нелинейных открытых систем (в том числе и социальных).

Периодическое чередование режимов убыстрения процессов и их замедления, структуризации и частичного распада структур, интеграции и дезинтеграции, прорывов и движений вспять считается основным принципом их существования, так как именно колебательный режим позволяет им регулировать и корректировать деятельность подсистем, обеспечивая свое воспроизводство и развитие².

Все перечисленные выше положения имеют принципиально важное значение, открывая широкие возможности для переосмысления и переоценки роли неэволюционных изменений, поскольку дают определенное теоретическое обоснование для рассмотрения их как органичных и необходимых компонентов социокультурного развития. Вместе с тем, это обоснование

¹ Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002. С. 63-64. Подробнее на эту тему см.: Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М., 2004. С. 286-296.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 13-14.

имеет пока самый общий характер и явно нуждается в дальнейшей разработке, конкретизации и проверке его релевантности эмпирическому материалу. Фундаментальных исследований, посвященных специально неэволюционным изменениям, еще нет, хотя в науке накоплен огромный массив данных по этой проблеме, разбросанных по разным дисциплинам. Обоснованная и исчерпывающая типологизация неэволюционных изменений также требует особых изысканий и является пока делом будущего. Наиболее серьезные методологические трудности на этом пути создает, разумеется, процесс размывания понятия «эволюция», который шел на протяжении последнего столетия, поскольку понятие «неэволюционные изменения» раскрывается только в соотношении с первым и через него.

Простой, казалось бы, вопрос о том, какой именно класс процессов следует относить к неэволюционным, на сегодняшний день не имеет однозначного ответа. У разных авторов одни и те же процессы могут фигурировать в качестве эволюционных или неэволюционных – в зависимости от того, что они понимают под эволюцией. «Строгий» подход к понятию «эволюция», необходимость которого отстаивает, в частности, авторитетный отечественный культуролог Э.А. Орлова, предполагает, что в разряд неэволюционных попадает достаточно большое число процессов (от регрессивных до циклических и волновых)³. Однако наряду с этим продолжает активно развиваться тенденция к расширительной трактовке понятия «эволюция», в результате чего оно превращается в синоним «трансформации» и охватывает практически все формы социокультурных изменений. Таким образом, в сущности, снимается сама необходимость разграничения эволюционных и неэволюционных процессов.

Сторонник наиболее свободного подхода Х.Й. Классен трактует эволюцию как процесс структурной реорганизации, в результате которой возникают формы и структуры, качественно отличающиеся от предшествующих⁴. При этом он подчеркивает, что увеличение сложности не следует считать «краеугольным камнем социальной эволюции», и предлагает включить в эволюционный процесс циклические тенденции, упадок, стагнации и даже процессы распада общества⁵, т.е. изменения, которые традиционно считаются неэволюционными.

³ Орлова Э.А. История антропологических учений. М., 2010. С. 616.

⁴ Классен Х. Claessen H.J. Evolutionism in Development: Beyond Growing Complexity and Classification // *Kinship, Social Change, and Evolution* / Ed. by A. Gingrich et al. Horn-Wien, 1989. P. 231-247. Idem. Developments in Evolutionism // *Social Evolution and History*. 2006. Vol. № 5. № 1. P. 3-41.

⁵ Классен Х.Й. Эволюционизм в развитии // Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов. М., 2011. С. 343.

Известный отечественный исследователь А.В. Коротаяев, который в целом разделяет эту точку зрения, также определяет эволюцию как «качественную трансформацию социального организма, приводящую к значительному изменению хотя бы его некоторых существенных характеристик»⁶. И соответственно относит к ней не только социальные изменения, ведущие к повышению уровня сложности и самоорганизации, но и обратные процессы, приводящие к понижению этого уровня, а также качественные одноуровневые изменения. А.В. Коротаяев признает, что используемая им типологизация эволюционных процессов практически полностью совпадает с традиционно выделяемыми направлениями биологической эволюции (ароморфоз, дегенерация, идиоадаптация), хотя отмечает, что это совпадение отнюдь не отменяет принципиальной разницы между эволюцией социальной и природной⁷. По его мнению, Г. Спенсер, говоря о двуедином процессе дифференциации и интеграции, сузил спектр форм эволюционных изменений.

В противовес этому широкое и нестрогое представление об эволюции в духе Х. Классена гораздо лучше и полнее демонстрирует ее сложность, отводя «эволюции по Спенсеру» место одного из возможных типов эволюционных изменений⁸.

В соответствии с таким подходом выделяется только одна форма неэволюционных изменений (или, в авторской терминологии, — неэволюционного развития): «восстановительный рост», запрограммированный уже существующими культурными кодами и нацеленный на воспроизводство «генотипа» культуры, который происходит, например, после глубокого и разрушительного кризиса⁹.

Кроме того, следует учитывать, что большинство эволюционных теорий, как отмечал Э. Гидденс, в большей или меньшей степени являют собой «примитивные примеры «эндогенных» или «разворачиваемых» моделей изменений», в соответствии с которыми эволюция предстает как постепенная, последовательная «развертка» изначально данных скрытых возможностей»¹⁰. Исходя из такого понимания эволюции, корни кото-

⁶ Коротаяев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997. С. 4.

⁷ См.: Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М., 2012. С. 67-93.

⁸ В последних работах А.В. Коротаяева и Л.Д. Гринина именно ароморфоз рассматривается как главное проявление эволюции. См.: Grinin L., Markov A., Korotayev A. Aromorphoses in Biological and Social Evolution: Some General Rules for Biological and Social Forms of Macroevolution // *Social Evolution and History*. 2009. Vol. 8. № 2. P. 6-50.

⁹ Гринин Л.Д., Коротаяев А.В. Социальная эволюция и социальное развитие. URL: http://grinin_leonid.livejournal.com/774.html

¹⁰ Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2005. С. 320.

рого уходят в ранний эволюционизм, с его идеей герма, принципиально важное явление эмерджентности должно быть отнесено к разряду неэволюционных изменений.

Между тем достаточно сложно представить эволюцию – и социокультурную, и тем более глобальную – без эмерджентных прорывов. Все так называемые «великие трансформации», или «революции» (антропная, аграрная, урбанистическая, осевая, научная, информационная)¹¹, составляющие стержневую линию социокультурной эволюции, неизбежно включали в себя еще недостаточно хорошо изученный феномен возникновения качественно нового, заметно нарушающего преемственность. Поэтому весьма убедительной представляется идея «эмерджентной эволюции», которая начала разрабатываться еще Л. Морганом, Тейяром де Шарденом, С. Александером, А. Уайтхедом, затем – уже на иной теоретической основе актуализировалась в концепциях Г. Чайлда, Шунтаро Ито, в глобальном эволюционизме (Э. Янч, Э. Ласло) и синергетике, однако до сих пор не является общепризнанной.

Перечень проблемных зон, связанных с разграничением эволюционных и неэволюционных изменений, разумеется, можно было бы значительно расширить, чему способствует большое разнообразие эволюционных теорий, нередко плохо согласующихся друг с другом или взаимоотрицающих. При всех очевидных минусах этой неопределенной ситуации, которая вряд ли будет преодолена в ближайшее время, она имеет и некоторые преимущества, так как дает свободу в выборе исходных оснований.

Проводя границу между эволюционными и неэволюционными изменениями, мы будем ориентироваться на те концепции, в которых главным атрибутивным свойством эволюции считается «социальный ароморфоз» – рождение сложности, неразрывно связанное с появлением качественно нового и на структурном, и на системном уровнях. Цитируя Н. Лумана, ссылавшегося в данном случае на Э. Морена, эволюцию следует определить как процесс, в результате которого повышается «вероятность невероятного», т.е. становится возможным возникновение и нормальное функционирование все более сложных, «невероятных» структур, требующих все большего количества предпосылок и условий. Характерно, что для Э. Морена своего рода символом и парадигмой эволюции являлась «химическая невероятность» появления молекулы ДНК¹².

¹¹ Ito Shuntaro. A Framework for Comparative Study of Civilizations // *Comparative Civilizations Review*. 1997. Vol. 36 (Spring). P. 4-15.

¹² Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 7-8.

Взяв за основу критерий новизны и сложности (с учетом разных интерпретаций этого понятия), можно согласиться с А.А. Пелипенко, который полагает, что «к эволюционным изменениям относятся лишь те, которые порождают новые качества, т.е. ранее не воплощавшиеся в эмпирическом мире, выходящие за пределы исходной формы, иными словами, те изменения, которые превосходят границы флуктуационных амплитуд для того или иного конфигуративного паттерна»¹³. В таком случае в разряд неэволюционных изменений входят: регрессы, ведущие к дезинтеграции и дедифференциации («вторичному упрощению») социокультурной системы; рецидивы – «оживания» старых, более простых культурных форм; диффузии; количественный рост; вариации; стабилизирующие, «охранительные» тенденции; циклические и волновые процессы; а также – вопреки традиционной точке зрения, процессы «развертки» герма.

Этот перечень составлен на основе формальных характеристик, в соответствии с которыми все перечисленные выше процессы не ведут непосредственно к появлению чего-то качественно нового и более сложного, хотя характер их влияния на уровень сложности отнюдь не одинаков. Некоторые понижают его, то есть действуют в направлении, прямо противоположном эволюции. Другие усиливают дифференциацию, способствуют распространению инноваций, удерживают систему на достигнутом ею уровне, блокируя любые дестабилизирующие факторы, расширяют ее границы, создают в ней колебания и т.д. Ни в коей мере не оспаривая значения этих формальных характеристик, следует иметь в виду, что картина оказывается гораздо более сложной, когда от классификаций мы переходим к анализу эмпирического материала. В этом случае различные формы культурной изменчивости не слишком часто предстают в своем «химически» чистом виде: они настолько тесно спаяны друг с другом, что вырвать их из живой ткани взаимодействующих, пересекающихся, взаимовлияющих и резонирующих друг с другом процессов бывает весьма не просто.

В сущности, в реальной динамике социокультурной жизни нет никаких отдельно взятых, изолированных друг от друга эволюционных и неэволюционных изменений: эволюция представляет собой «объемный», многогранный и многоуровневый, внутренне гетерогенный процесс, который формируется за счет различных комбинаций большого числа самых разнообразных «подпроцессов», в том числе разнонаправленных или даже взаимоисключающих, и является их результирующей – в краткосрочной или долгосрочной перспективах.

¹³ Пелипенко А.А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. М., 2012. С. 37.

Четко разделить эти процессы и подвести их под рубрики «эволюционные» и «неэволюционные» можно только чисто аналитическим путем. Однако, как справедливо отмечает Э.А. Орлова, это необходимая предварительная операция, позволяющая выявить механизмы эволюции, определить характер и динамику воздействия разных ее составляющих¹⁴. Тем не менее, возможно, более корректно все-таки говорить не об эволюционных и неэволюционных процессах, а о разном *эволюционном потенциале* культурных изменений, который градуируется от очень высокого до очень низкого, и формальные характеристики имеют здесь важное значение, хотя и не дают адекватного представления о действительной функциональной значимости того или иного процесса в социокультурной эволюции, а точнее — предельно эту значимость редуцируют.

Так, эволюционный потенциал эмерджентности, которую можно по праву отнести к эволюционным изменениям, вне всяких сомнений, наиболее высок: он на много порядков превосходит соответствующий потенциал любой, даже самой «конструктивной» формы неэволюционных изменений (например, диффузий или вариаций), не говоря уже о регрессах. Тем не менее, любое из неэволюционных изменений, включая регрессы, независимо от его формальных характеристик, может так или иначе содействовать эволюции: создавать подходящие условия для роста сложности, производить трансформации, которые в долгосрочной перспективе дадут другие, эволюционно значимые результаты и т.д.

Проблема, однако, заключается в том, что эта имплицитно присутствующая в них способность проявляется в тех или иных ситуациях в очень разнообразных формах и с разной степенью интенсивности, то есть не имеет обязательного характера. Впрочем, это относится и к эмерджентности: сам факт «революционного» прорыва не гарантирует его эволюционную востребованность здесь и сейчас, эффект может проявиться много позже или не проявиться вообще. Классическим примером здесь служит изобретение в эпоху античности первых автоматов и прототипа парового двигателя, что, однако, не вызвало технологического переворота. Такого рода случаи можно определить как несостоявшуюся эмерджентность, поскольку появление качественно нового не вызвало полной реорганизации или по крайней мере существенной трансформации системы, в которой оно возникло.

Вопрос о том, как и в каких условиях реализуется эволюционный потенциал различных форм культурной изменчивости, очень сложен и требует специальных исследований, тщательного анализа большого объ-

¹⁴ Орлова Э.А. История антропологических учений. С. 144, 169.

ема фактического материала. Пока мы ограничимся тем, что в порядке предположения выскажем, и попытаемся обосновать следующее положение: возможность «подключения» неэволюционных изменений к эволюционному процессу резко возрастает в транзитивные эпохи, особенно в ситуациях «больших» переходов, когда одна социальная макросистема сменяет другую. Формирование социокультурной системы нового типа, как известно, сопровождается не просто разрушением старой, но и «переформатированием» (конвертацией) ее элементов и их инкорпорацией в молодую, «ведущую» систему на основе переподчинения ей¹⁵.

Эти разноплановые процессы осуществляются через мобилизацию если не всех, то, по крайней мере, значительного числа типологически разных форм неэволюционных изменений. При этом каждое из них действует в принципе в соответствии со своей природой, но в особом, «пограничном» транзитивном социокультурном контексте эта деятельность получает дополнительное, «эволюционное» измерение и в конечном счете формирует специфическую среду, в которой оказывается возможным рождение и укрепление сложности нового, более высокого уровня. Причем, несмотря на разнообразие функций неэволюционных изменений, их разнонаправленная, внешне хаотическая деятельность закольцовывается на эволюционном процессе, обеспечивая переход общества в новое историческое состояние.

Иначе говоря, неэволюционные изменения приобретают «эволюционную интенциональность», которая в другие периоды существования социокультурной системы менее ярко выражена, менее ощутима или отсутствует вообще. В ситуации перехода эффект несовпадения действия и его результата становится особенно заметным, значительно усиливается — вплоть до того, что граница между собственно эволюционным и неэволюционным становится размытой, транспарентной.

Ограниченные рамками небольшой статьи, мы приведем лишь несколько репрезентативных примеров, расположив неэволюционные изменения по степени убывания их эволюционного потенциала.

Начнем с диффузии, которая в эволюционной теории давно признана одной из главных движущих сил социокультурного развития и в последнее время вызывает большой интерес. Характерно, что ряд современных историков, разрабатывающих новые концепции всемирной истории, выдвигают на первый план именно процессы культурного взаимодействия, распространения инноваций, их конкуренции с местными тради-

¹⁵ Пелипенко А.А. К проблеме межсистемных переходов в культуре // *Цивилизации*. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. М., 2008. С. 73-74.

циями и социокультурные последствия их принятия или отвержения¹⁶. Способность некоторых инноваций преодолевать границы региона своего происхождения и становиться достоянием других обществ, безусловно, является эволюционно значимой, и этот факт редко вызывает сомнения.

Разумеется, уровень преобразующей силы заимствований не всегда одинаков: он зависит от способности общества-реципиента воспринять ту или иную инновацию, от характера ее трансформации в новых условиях и, конечно, от того, что данная инновация собой представляет. Многие инновации не оказывали сколько-нибудь заметного влияния, или оно имело очень ограниченные пределы, вместе с тем очень многим обществам они давали значительные эволюционные преимущества (например, тем, которые сумели быстро усвоить технику обработки железа)¹⁷.

Помимо повышения конкурентоспособности, диффузии выполняют еще одну важную функцию, о которой в свое время писал Н. Луман: наиболее значимые инновации, или «эволюционные достижения» (это понятие у Лумана соответствует «эволюционным универсалиям» Т. Парсонса и «адаптивным достижениям» М. Салинса и Э. Сервиса) «зачастую получают свою окончательную форму и выдающееся значение лишь благодаря диффузии. В ходе последней они обрабатываются, оттачиваются и генерализируются»¹⁸.

Именно в процессе их экстенсивного распространения и копирования, которое сопровождается неизбежными вариациями, формируются новые структуры, подходящие для инкорпорации инноваций в социокультурную систему. Таким образом, «эволюционные достижения» становятся частью социальных практик.

Признавая всю важность идеи Н. Лумана, следует отметить, что в транзитивные эпохи диффузия берет на себя особые, дополнительные функции, выходящие за пределы всех перечисленных выше. Обычно считается, что «великие трансформации» совершаются точно, в отдельных, сравнительно небольших и часто весьма удаленных друг от друга локусах мирового пространства. Однако это — своего рода оптический обман, который является следствием того, что именно в данных локусах результаты перехода оказываются наиболее впечатляющими. В действительности зона, охваченная переходными процессами, бывает значитель-

¹⁶ McNeill W. The Changing Shape of World History // *History and Theory*. 1995. Vol. 94. P. 8-26. Bentley J. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. June. P. 749-770. Manning P. The Problem of Interaction in World History // *American Historical Review*. Vol. 101. June. P. 771-782.

¹⁷ Grinin L., Markov A.V., Korotayev A. *Aromorphoses in Biological and Social Evolution...* P. 4.

¹⁸ Луман Н. Эволюция. С. 120-121.

но шире. В нее входят общества, находящиеся на разном уровне развития, имеющий разный потенциал, разную степень готовности и возможности для осуществления перехода.

В этой связи очень эвристичной представляется разработанная Э.В. Сайко концепция специфической транзитивной зоны, включающей большое число обществ¹⁹, в которой аккумулируются и кристаллизуются новые структуры и связи. Ее роль заключается в том, что хотя не всем обществам — ее компонентам удастся полностью реализовать «программу» преобразований, тем не менее, все они, взятые вместе, *определяют ситуацию перехода*, обеспечивают рождение новой социальной макросистемы («новой социальности»), поддерживают ее самым фактом своего существования и служат гарантией ее возрождения даже при временных отступлениях от достигнутого, локальных «затуханиях» эволюционного процесса.

Диффузия культурных инноваций в этом пространстве выступает в особом качестве — как мощный фактор, который его укрепляет, расширяет его границы, втягивая в переходные процессы другие общества, ускоряет их внутреннюю динамику, стимулируя, «пробуждая» общезначимые эволюционные трансформации, предпосылки для которых в этих обществах имплицитно содержатся, и таким образом усиливает плотность и необходимое относительное единство транзитивной среды. Достаточно вспомнить, какую роль сыграла диффузия религиозных культов и философских учений в I тыс. до н.э., содержащих в той или иной степени элементы «осевой парадигмы», например, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

Весьма высок и «эволюционный потенциал» вариаций. Рост их числа в рамках социокультурной системы на определенных этапах ее существования выглядит избыточным и нефункциональным. Однако вариации — своего рода питательная среда для эмерджентности²⁰, хотя это важное качество проявляется в полной мере опять-таки в переходные эпохи. Чем богаче внутреннее разнообразие социокультурной системы, тем больше имеется возможностей для «революционного прорыва», хотя основная масса вариаций, как правило, исчезает бесследно, а само их

¹⁹ Э.В. Сайко называет эту зону/среду урбанизационной, поскольку в ее исследовании речь идет о переходе от первобытности к цивилизации. Однако данная концепция, безусловно, имеет гораздо более широкое применение и может быть использована при изучении любых переходных эпох. См.: Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV-II тыс. до н.э.). М, 1996. С. 102-123.

²⁰ О роли вариаций и роста разнообразия см.: Grinin L., Markov A.V., Korotayev A. *Aromorphoses in Biological and Social Evolution...* P. 34-37.

наличие отнюдь не гарантирует, что эмерджентное явление оформится и утвердится.

Вариации (разумеется, далеко не все среди тех, что имеются в запасном фонде культуры) могут содержать в себе инновационный элемент, зачатки нового качества – незаметные или малозначимые до тех пор, пока не произойдет их «сборка», результатом которой станет «социальный ароморфоз». Любопытные аналогии имеются в биологической эволюции: возникновению видов часто предшествует резкое увеличение вариаций, в которых присутствуют «детали» нового. В какой-то момент словно начинает носиться в воздухе новая «идея» – млекопитающих, птиц, амфибий и т.д.»²¹, затем вариации «собираются» вместе, и рождается вид, качественно отличающийся от предшествующего и не сводимый к тем вариациям, которые в нем появлялись.

Нечто похожее происходит и в социокультурной эволюции. Здесь уместно вспомнить слова Н. Лумана о ситуациях, когда, казалось бы, «незначительные случайности находят друг в друге опору»²², как бы «сцепляются» друг с другом и образуют нечто, чего прежде не было. Действительно, интеграция, «сборка» всех имеющихся предпосылок («preadaptive advances»²³, согласно Р. Мак Адамсу) всегда неожиданна, ее итоги выглядят логичными, закономерными и неизбежными только в ретроспективе, когда они становятся историческим фактом. Эмерджентное явление, как известно, неаддитивно и нередуцируемо, т.е. не сводится к сумме своих элементов, в том числе и тех, которые существовали ранее в виде предпосылок, поскольку пребывание в составе нового целого трансформирует их, в результате чего они сами также могут приобретать неожиданные, эмерджентные свойства²⁴.

Говоря о роли вариаций, с нашей точки зрения, следует уделить особое внимание «промежуточным», гибридным синкретическим формам, бурный рост которых характеризует, в частности, нашу переходную эпоху. В научной литературе феномен «взрыва полиморфизма» часто недо-

²¹ Марков А. Рождение сложности: Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010. С. 308, 323-324.

²² Луман Н. Указ. соч. С. 61.

²³ MacAdams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. L., 1966. P. 41.

²⁴ Мы исходим из традиционных критериев эмерджентности, разработанных в общей теории систем и синергетике: неаддитивности, принципиальной непредсказуемости и новизны, нередуцируемости, макродетерминации. Подробнее см.: Князева Е.Н. Сборка субъекта с точки зрения коэволюции сложных систем // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М., 2010. С. 88, 92-93.

оценивается или оценивается по преимуществу негативно — как диссистемная тенденция, ведущая к разрастанию неупорядоченного множества «незаконченных» культурных форм и превышению допустимого порога внутренней гетерогенности культуры, за которым начинается распад ее целостности.

Однако в действительности гибридные формы, активно возникающие в условиях компрессии и взаимопроникновения культур, выполняют ряд важных функций. Как справедливо отметил П. Бергер, помимо принятия и отрицания «иного», существует большое разнообразие реакций, которые образуют градации между этими двумя полюсами²⁵. Полиморфизм представляет собой закономерный ответ национальных культур на масштабное внедрение инокультурного материала, воплощает поиски стратегии, которая позволила бы им адаптироваться к новым условиям существования, переработать и инкорпорировать «иное» с минимальным ущербом. «Промежуточные» культурные формы заполняют опасную лакуну между «своим» и «чужим», выполняя роль медиаторов, и в конечном счете способствуют, с одной стороны, относительной сохранности и воспроизводству культурных традиций, а с другой — их развитию и обновлению.

В переходные эпохи особое значение приобретают, как ни парадоксально это может звучать, «охранительные», стабилизирующие тенденции, направленные на консервацию старых социальных структур и культурных норм и, казалось бы, не обладающие эволюционным потенциалом. Однако относительная стабильность старой системы — одно из условий успешного завершения ситуации перехода²⁶, которая имеет двойственную природу — разрушительную и созидательную одновременно, а потому всегда содержит, по крайней мере, потенциально, возможность поворота вспять, отступления от достигнутого уровня сложности.

В научной литературе пока мало значения придается в высшей степени интересному факту: в транзитивном состоянии старые структуры, фрагментированные²⁷ и деформированные, ослабленные, работающие в «пороговом» режиме, продолжают, так или иначе, функционировать, выполняя важнейшую роль — противодействия возможному регрессу.

²⁵ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 9.

²⁶ Сайко Э.В. Современное глобальное сообщество в исторической эволюции // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 64.

²⁷ Яковенко И.Г. Слом как проблема цивилизационного анализа // Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы международной научной конференции. М., 2001. С. 61, 63.

Таким образом, тенденция к консервации старых институтов и норм вступает в весьма сложные и неоднозначные отношения с тенденциями к переструктурированию системы, отчасти сдерживая развитие последних, отчасти создавая для них некую относительно стабильную социальную платформу и отчасти сливаясь с ними.

В некоторых случаях различные функции «охранительных» тенденций могут достигать очень высокой степени синтеза, выступая в практически нераздельном единстве. Эта особенность отчетливо проявляется, например, в противоречивой, двойственной природе института потлача, который в комбинации с прямым дарообменом составлял основу «престижной экономики», сыгравшей важнейшую роль в формировании нового стратифицированного общества. Напомним, что древний принцип взаимности в обмене дарами и услугами обеспечивал устроителям возвращение потраченных богатств в виде ответных даров или услуг — добровольных или принудительных, открывал доступ к ключевым должностям, то есть активно способствовал имущественной и социальной дифференциации²⁸.

В этом отношении потлачи, безусловно, эффективно содействовали эволюционному процессу. Однако у этого института имелась и другая, оборотная сторона, что и дает основания исследователям говорить о его внутренней противоречивости²⁹. Престижные пиршества, на которых раздаривались, проедались или просто уничтожались накопленные излишки, полностью соответствовали принципам первобытного эгалитаризма и коллективизма, установке на ограниченный ресурс, то есть поддерживали и укрепляли старые, архаические нормы социокультурной жизни и, судя по всему, в течение какого-то времени были весьма действенным средством интеграции коллектива.

Столь же неоднозначную роль в этот период выполняли тайные мужские союзы. С одной стороны, они консервировали традиционные для первобытного общества способы инкультурации и социализации (через инициационные ритуалы), а также культы духов и предков-тотемов. И вместе с тем, являлись эффективным механизмом институционализации власти — разумеется, наряду с другими способами интеграции на надобщинном уровне. Как и в случае с потлачами, здесь функции ак-

²⁸ Boas F. *Social Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians*. Washington, 1897. P. 341. Drucker Ph. Rank, Wealth and Kinship in Northwest Coast Society // *American Anthropologist*. 1939. V. 41, № 1. P. 55-65. Firth R. *Primitive Polynesian Economy*. L., 1965. P. 316-318. Pospicil L. *Kapauku Papuans and Their Law*. Yale Univ. Publications in Anthropology. New Haven, 1958. № 54. P. 80.

²⁹ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 152-153.

тивного участия в политогенезе (на ранних его стадиях)³⁰ и укрепления старых, ритуализированных форм социокультурной регуляции выступали как фактически равноценные.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в обоих рассмотренных нами случаях речь идет не об устаревших, отживших институтах, «омертвевших» формах, которые уже утратили прежнюю значимость и содержание и наполнились новым. По крайней мере, на определенном этапе обе составляющие их деятельности (и эволюционная, и неэволюционная) существовали, были социально востребованы, в каком-то смысле уравновешивали и сдерживали друг друга, создавая взаимный противовес.

И, наконец, в завершение хотелось бы затронуть большую и малоизученную тему «эволюционного потенциала» регрессов, которые, по давней традиции, часто продолжают оцениваться как процессы, противодействующие социокультурной эволюции или, во всяком случае, противопоставленные, ведущие к инволюции, и только. Между тем, регрессы – весьма сложный феномен и с точки зрения их неоднозначных последствий для общества, и с точки зрения типологического разнообразия.

Можно выделить как минимум две их разновидности. Во-первых, регрессы, результатом которых является «обратный переход» и понижение уровня сложности. Например, происходит демодернизация или, в пределе, возврат к доцивилизационному состоянию. Во-вторых, регрессы незавершенные: в этом случае (если такого рода регресс имеет системный характер) в социокультурной жизни достаточно отчетливо проявляются тенденции, которые в принципе могут привести к коллапсу (дезурбанизация, аграризация, ослабление государственной власти или ее вакуум, децентрализация, разрушение культурных норм и ценностей, снижение цивилизованности и т.д.).

Однако все эти процессы, часто сопровождающие переходные и кризисные эпохи, не реализуются полностью, т.е. не превышают некоего критического уровня, поскольку идут с разной степенью интенсивности в разных регионах и/или разных подсистемах общества, а главное – блокируются тенденциями, стабилизирующими старую систему, и «инструкциями», которые формируют новую систему. Соотношение этих сил,

³⁰ Тайные союзы, как правило, концентрировали властные функции и военную мощь. У многих африканских народов они были структурой, из которой непосредственно вырастала сакральная верховная власть. См.: Butt-Thompson F.W. *West African Secret Societies. Their Organizations, Officials and Teachings*. L., 1929. Webster W.H.R. *Primitive Secret Societies: A Study in Early Politics and Religion*. N.Y., 1968. Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 104-116.

собственно, и определяет исход транзитивной ситуации, которая может состояться или не состояться, или завершиться коллапсом.

Идея о том, что регрессы способствуют эволюции, играя «отрицательную» роль, расчищая место для нового, является вполне общепринятой и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако этим функции регрессов не исчерпываются. Расшатывая и ослабляя старую систему, они создают благоприятные условия для реализации «эволюционного потенциала» других неэволюционных изменений. Например, содействуют диффузии инокультурных форм, которые усваиваются гораздо активнее в ситуации размывания культурных нормативов; облегчают возможность для перехода тех или иных вариаций, содержащих инновационный элемент, из «периферии» в «центр»; во многом благодаря регрессам некоторые институты старой системы начинают выполнять дополнительные, новые, не свойственные им функции.

Кроме того, «транзитивные» регрессы часто пробуждают к жизни «простые», базовые, восходящие к архаике культурные явления, которые, как правило, выполняют адаптивную роль, способствуя сохранению «минимума социальности», но в некоторых случаях могут вступать в сложные взаимодействия с инновационными процессами и подключаться к ним (яркими примерами здесь являются патронажно-клиентные отношения в поздней Римской империи или клановые организации в странах Востока, избравших путь модернизации).

Большой интерес, с точки зрения воздействия на эволюционный процесс, представляют и тотальные регрессы, приводящие к децивилизации. Такие регрессы, завершающиеся утратой сложности как таковой, — отнюдь не частое явление. Тем не менее, оно заслуживает самого пристального внимания по ряду причин. Во-первых, резкое снижение уровня сложности может оказаться адаптивно целесообразным: регресс может выступать в роли «ресурсосберегающего» процесса. Как отмечал Дж. Тейнтер, регрессируя, общества не погибают полностью, а отступают на более устойчивые и доступные позиции. Тем самым общество сохраняет по крайней мере потенциальную возможность для возвращения, в долгосрочной перспективе, утраченного и дальнейшего эволюционного продвижения³¹, хотя, как показывает исторический опыт, эта возможность реализовывалась далеко не всегда.

Во-вторых, иногда, помимо адаптивности, тотальные регрессы выполняли и гораздо более важную роль, способствуя неожиданным и масштабным социальным «мутациям» — кардинальному изменению модели развития и значительному усложнению обществ, которые до этого пере-

³¹ Tainter J. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge, 1990.

жили впечатляющую деградацию. Ситуации, когда регрессы способствовали резкой смене «генетического кода», являются, строго говоря, нетипичными, однако это несколько не умаляет их репрезентативности и значимости для процесса социокультурной эволюции.

Так, в Месопотамии после распада III династии Ура – высокоцентрализованного государства, типологически очень близкого «классической» древнеегипетской деспотии, и последовавшего за этим достаточно глубокого регресса, начала формироваться совершенно другая, новая модель цивилизации, заметно выделявшаяся на фоне других древневосточных обществ. Для нее было характерно необычно высокое развитие товарно-денежных отношений и товарного производства, наемного труда, торгово-ростовщических операций; права на самоуправление у крупных храмовых городов, где складывались гражданские общины, а также относительная самостоятельность и правозащищенность индивида³².

Еще более впечатляющими были результаты «социальной мутации» в древней Греции, которая также произошла после «цивилизационного слома» – гибели крито-микенской цивилизации. Причем, регресс в данном случае был гораздо более глубоким, чем в Месопотамии: в эпоху «темных веков» (XII–IX вв. до н.э.) Греция фактически вернулась к доцивилизационному родоплеменному состоянию, пережив масштабную деструкцию всех основных структур сложного общества. Начав развитие снова, древнегреческое общество избрало принципиально иной путь – формирования полисной организации, ни в коей мере не повторявший прежнюю модель так называемой «дворцовой цивилизации». Регресс в данном случае явился одним из факторов, способствовавших «ароморфозу»: впечатляющая архаизация общества выполнила функцию катализатора эмерджентности.

Помимо этого, регресс содействовал возрождению на новом уровне и в трансформированном виде первобытной общины, ибо многие ее характеристики сохранились в полисе – самоуправляющейся гражданской общине свободных земледельцев³³, которая оказалась в эволюционном

³² История Востока: В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М., 2002. С. 82–84, 89–99, 249–260.

³³ Этой проблеме посвящено большое количество исследований: *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник древней истории.* 1989. № 2. С. 76–94; *Берент М.* Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации.* М., 2000. С. 235–258. *Berent M.* The Stateless Polis: A Reply to Critics // *Social Evolution and History.* 2006. Vol. 5. № 1. P. 141–163. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129915>. *Van der Vliet E.Ch.* Polis. The Problem of Statehood // *Social Evolution and History.* 2005, № 4. P. 120–150. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129951>. *Hansen M.N.* Was Polis a State or a Stateless Society? // *Even More Studies in the Ancient Greek Polis* / Nielsen Th. (ed.). Papers from the Copenaggen Polis Center 6. Stuttgart, 2002. P. 17–47.

отношении весьма перспективной, хотя имела определенные, достаточно серьезные ограничения для своего саморазвития³⁴.

Приведенные примеры показывают, что неэволюционные изменения располагают широким спектром возможностей для конструктивного участия в социокультурной эволюции. Вместе с тем, вопрос о том, какие именно возможности реализуются и в какой степени, остается открытым. В процессах раскрытия «эволюционного потенциала» всегда в какой-то мере присутствует элемент случайности, роль которой явно возрастает по мере его убывания. Разумеется, регрессы гораздо реже, чем, например, диффузии или вариации, завершаются рождением новой сложности.

Однако это не означает, что в любой транзитивной ситуации определяющую роль будут играть диффузии и вариации, а не какая-то другая форма (скажем, рецидивы). Степень востребованности той или иной разновидности культурных изменений и той или иной их функции может варьироваться в каждом конкретном случае. Причиной этого является, очевидно, специфика переходного состояния, которое допустимо определить как детерминированный хаос, включающий в себя не только изменения детерминированные и необходимые, но и индетерминированные и случайные. Детерминированным и системным является, с нашей точки зрения, само подключение неэволюционных изменений к транзитивному процессу. Однако характер этого подключения имеет разные модификации, выявление и типологизация которых может стать объектом специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2005.
2. Гринин Л.Д., Коротаев А.В. Социальная эволюция и социальное развитие. URL: http://grinin_leonid.livejournal.com/774.html
3. Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002.
4. Классен Х.Й. Эволюционизм в развитии // Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов. М., 2011.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб., 2002.
6. Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997.
7. Луман Н. Эволюция. М., 2005.
8. Марков А. Рождение сложности: Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010.
9. Орлова Э.А. История антропологических учений. М., 2010.
10. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М., 2004.

³⁴ Runcimen W.G. Doomed to Extinction: the Polis as an Evolutionary Dead End // *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford, 1990. P. 348.

11. Пелипенко А.А. К проблеме межсистемных переходов в культуре // *Цивилизации*. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. М., 2008.
12. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. М., 2012.
13. Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV-II тыс. до н.э.). М., 1996.
14. Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М., 2012.
15. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник древней истории*. 1989. № 2. С. 76-94.
16. Яковенко И.Г. Слом как проблема цивилизационного анализа // *Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы международной научной конференции*. М., 2001.
17. Bentley J. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. June. P. 749-770.
18. Berent M. The Stateless Polis: A Reply to Critics // *Social Evolution and History*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 141-163. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129915>.
19. Claessen H.J. Evolutionism in Development: Beyond Growing Complexity and Classification // *Kinship, Social Change, and Evolution* / Ed. by A. Gingrich et al. Horn-Wien, 1989. P. 231-247.
20. Claessen H.J. Developments in Evolutionism // *Social Evolution and History*. 2006. Vol. № 5. № 1. P. 3-41.
21. Grinin L., Markov A., Korotayev A. Aromorphoses in Biological and Social Evolution: Some General Rules for Biological and Social Forms of Macroevolution // *Social Evolution and History*. 2009. Vol. 8. № 2. P. 6-50.
22. Ito Shuntaro. A Framework for Comparative Study of Civilizations // *Comparative Civilizations Review*. 1997. Vol. 36 (Spring). P. 4-15.
23. MacAdams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. L., 1966.
24. McNeill W. The Changing Shape of World History // *History and Theory*. 1995. Vol. 94. P. 8-26.
25. Manning P. The Problem of Interaction in World History // *American Historical Review*. Vol. 101. June. P. 771-782.
26. Tainter J. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge, 1990.
27. Runcimen W.G. Doomed to Extinction: the Polis as an Evolutionary Dead End // *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford, 1990.